

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЯ БЕЛЫХ ЖИТЕЛЕЙ АВСТРАЛИИ К РОССИИ И РУССКИМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Почти до конца XIX в. жители переселенческих колоний Великобритании на австралийском материке видели русских воочию достаточно редко – ими могли быть моряки кораблей российского флота и посещавшие Австралию немногочисленные русские специалисты. Однако уже с середины XIX в. у австралийцев формируется вполне определенное и в целом негативное отношение к России и русским. Целый ряд факторов способствовал формированию и закреплению именно такого отношения.

Во-первых, – и это естественно – австралийцы восприняли английские традиции подозрительного и в чем-то пренебрежительного отношения к России. Во-вторых, усугублению негативного мнения о русских способствовали крайне напряженные отношения между Англией и Россией на протяжении всей второй половины XIX и начала XX в. Австралийцы при этом рассматривали Россию как главного соперника Британской империи на международной арене и откровенно опасались русского вторжения на пятый континент в случае начала войны Англии и России. Наконец, закреплению негативного имиджа России и русских способствовало то обстоятельство, что именно во второй половине позапрошлого и начале прошлого столетия начинают развиваться процессы становления и самоидентификации австралийской нации, и все имевшиеся на тот момент этнические предпочтения, предрассудки и фобии (касающиеся, разумеется, не только русских) закрепляются в рождающемся национальном самосознании австралийцев.

Формирование негативного, опасливого отношения к России и русским началось фактически в период Крымской войны. Усилиями прессы в умах австралийцев формировался образ русских как жестоких и невежественных варваров с «тошнотворными усами и бородами». Эти «мерзкие» люди придут в Австралию для того, чтобы «разрушить наши дома,

отнять наших женщин, а нас сделать рабами»¹. В статьях, претендующих на серьезность, проводилась мысль об изначальной склонности русских к деспотизму и распространенности, как среди государственных деятелей России, так и среди ее народа, убеждения в божественном предначертании России завоевать весь мир и распространить на Земле православие². Призывами дать отпор русскому императору – «самому жестокому властителю в мире», и содействовать Англии в ее борьбе за «сохранение конституционных свобод народов Европы» завершались многочисленные митинги, проходящие в столичных и провинциальных городах австралийских колоний³. На протяжении всей второй половины XIX в. в Австралии практически не сомневались в неизбежности враждебных действий России против пятого континента в случае англо-русской войны. Об этом говорили ведущие политики австралийских колоний (например, будущий премьер-министр Нового Южного Уэльса, «отец австралийской федерации» Г. Паркс в 1859 г., губернатор Виктории Ч. Дарлинг в 1864 г., премьер-министр Австралийского Союза Э. Бартон в 1903 г.), английские и австралийские военные деятели (Д. Коломб, лорд Брассей, У. Джервойс, Дж. Эрскин, Дж. Трайон, Ч. Тюллок). Об этом же постоянно писали ведущие газеты Австралии. Австралийцы призывались «размышлять и действовать», чтобы не увидеть «Российскую империю простирающуюся вплоть до их собственных дверей»⁴. Ее флот может «затруднить или вообще прервать нашу торговлю и безнаказанно разорять (harass) наши прибрежные города при помощи грабежа, взимания контрибуции и тому подобного»⁵. Следовало помнить, что Россия – это «опаснейший соперник в Тихом океане», а русская секретная служба – «возможно, самая совершенная» в мире – неустанно и не жалея сил ведет разведку за состоянием обороноспособности австралийских колоний⁶. Русские медведи, топчущие и пожирающие Австралию, замелькали в политических карикатурах на страницах австралийских иллюстрированных изданий⁷. Антирусские настроения и страх перед возможной агрессией России нашли свое отражение даже в художественной литературе. Появляются беллетристические произведения, в которых с леденящими душу подробностями рассказывается о ходе и последствиях нападения русского флота на города Австралии и Новой Зеландии. Можно назвать, например, роман У. Уолкера (псевдоним Дж. Ранкена) «Вторжение», сочинения Ч. Фенуика «Выдержки из моего дневника» и Д. Лаки «Рейд русского крейсера “Касковиски”»⁸. Роман Д. Маккея «Желтая волна» повествует о том, как Австралию затопили орды китайцев, доставленные на пятый

континент кораблями русского флота⁹. Не удивительно, что длительная и постоянная обработка общественного мнения в антирусском духе сделала русофобию, можно, сказать, обыденной составной частью общественно-политической жизни австралийских переселенческих колоний.

На рубеже XIX и XX вв. стала проявляться, однако, и другая тенденция – более благожелательного и, во всяком случае, не враждебного отношения к русским. Ее появление было обусловлено, прежде всего, тем, что в Австралии появились первые русские эмигранты. Их было еще не много – к 1901 г. в Австралии насчитывалось 3358 выходцев из России, хотя в начале XX в. в Квинсленде, например, русская община стала четвертой по численности среди эмигрантских общин этого австралийского штата¹⁰. Первая волна русской эмиграции состояла в большинстве своем из мужчин и носила трудовой, главным образом, крестьянский характер. Вновь прибывшие эмигранты стремились получить землю, навсегда осесть в Австралии и найти там свою новую родину. Отсюда и неизбежные смешанные браки с англо-австралийками, и стремление как можно быстрее адаптироваться к новым условиям жизни и к новому языковому окружению¹¹. Среди австралийцев у русских появляется репутация недорогих и непрехотливых работников, которые к тому же обладают достаточно высоким уровнем квалификации¹². По мнению австралийского исследователя истории русской эмиграции в Квинсленде Э. Фрида начинает формироваться «исключительно благосклонное отношение» к русским эмигрантам «австралийских правительств и общественного мнения»¹³.

Укреплению симпатий к русским способствовало и изменение внешнеполитической ситуации, в частности, начало в 1904 г. русско-японской войны. Для Австралии рубежа XIX–XX вв. характерен панический страх перед иммиграцией азиатов, прежде всего китайцев и японцев, способных понизить стоимость рабочей силы белых австралийцев на австралийском рынке труда. Опасались в Австралии и растущей промышленной конкуренции Японии. Расовые предрассудки становятся весьма действенной причиной явно выраженных симпатий австралийцев к русским. Причем симпатий со стороны именно общественного мнения, но не правящих кругов, которые в вооруженном конфликте России и Японии, так сказать, по долгу службы должны были поддерживать прояпонскую политику Великобритании. В плане формирующихся симпатий к России и русским характерна, например, карикатура, опубликованная в январе 1904 г. в журнале «Буллетин»: маленький человек (австралиец) смотрит на гото-

вющихся к схватке белого медведя (Россию) и черную обезьяну (Японию). Австралиец задумчиво говорит: «Не знаю, что может быть хорошего для меня от победы одного из них, но я, во всяком случае, намереваюсь подержать белого!»¹⁴ Эти же настроения отчетливо просматриваются в стихотворении выдающегося австралийского поэта Г. Лоусона: «Дайте же мне сделать один выстрел за русских, даже если этот выстрел станет для меня последним... Отряды русских – это отряды Белого человека!»¹⁵

Еще одним фактором в улучшении отношения жителей пятого континента к России и русским стало знакомство интеллектуальной элиты Австралии с русской культурой и, в частности, с литературой. «Мировое влияние русской литературы охватило и Австралию, - пишет крупнейший отечественный специалист по истории культуры Австралии А. С. Петриковская. – Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов совершили переворот в умах... Русская литература, вникавшая в неизвестную австралийцам жизнь, затрагивала существо самой Жизни»¹⁶. Сильнейшее впечатление производил на австралийцев русский балет. В 1891 г. балетные спектакли на сцене Мариинского театра увидела австралийская оперная дива Нелли Мелба, которая гастролировала в Петербурге. Позднее она писала в своих мемуарах, что она была совершенно очарована: «Я почувствовала, что открыла для себя новое искусство»¹⁷. Гастроли самой Мелбы прошли более чем успешно, певица снискала шумный успех у слушателей, с восторгом отзывалась она об «изумительном огне и непринужденности русского темперамента» своих поклонников¹⁸. Вместе с тем при всем интересе к русской культуре Россия все равно воспринималась как полу-варварская и в любом отношении чуждая европейской культуре страна. Та же Мелба именно в «неуемности» русского темперамента, с которым отнеслась к ней русская публика, видела признак недостаточной цивилизованности русских. Россия ей представлялась диковатой и непопулярной страной.

Обе тенденции – и благожелательного интереса к России и русским, и подозрительного и подчас враждебного отношения к ним, продолжали развиваться в австралийском обществе и в последующем.

После 1905 г. в русской диаспоре Австралии сформировалась небольшая (примерно 500 человек), но исключительно активная группа иммигрантов-революционеров. В их числе можно отметить видных большевиков Артема (Ф. Сергеева) и А. Зузенко, эсера Г. Быкова, а также П. Уткина, Н. Лагутина, В. Пикунова и других. В 1911 г. Артем приходит к руководству в Союзе русских эмигрантов в Австралии (с 1915 г. – Союз рус-

ских рабочих) и придает его деятельности радикальную революционную направленность. Социалистическую пропаганду вели печатные издания русских эмигрантов – газеты «Эхо Австралии» и «Известия Союза русских эмигрантов». Обе эти газеты были закрыты австралийскими властями. Пришедшие им на смену «Рабочая жизнь», «Знание и Единство» продолжили дело своих предшественниц. В годы Первой мировой войны русскоязычная пресса заняла открыто антивоенную позицию. Русские рабочие-эмигранты стремились влиться в австралийское рабочее движение, пытаясь придать ему радикальный социалистический характер. Они приняли активное участие в на шумевшей в Австралии забастовке брисбенских трамвайщиков 1912 г.¹⁹ Подобного рода деятельность вызывала резкое раздражение как в правительственных кругах, так и у значительной части населения Австралии. Австралийская полиция установила слежку за самыми активными радикалами из числа русских. В 1912 и 1913 гг. премьер-министр Квинсленда Д. Дэнхем предлагал даже запретить русским въезд в Австралию, распространив на них Акт об ограничении иммиграции 1901 г. Этот Акт фактически запрещал въезд на пятый континент представителям небелых рас и являлся юридической основой политики «Белой Австралии». Дэнхем при этом утверждал, что русские не европейцы, а азиаты²⁰.

В то же время в годы Первой мировой войны Россия, воюя на стороне Антанты, выступает в качестве союзницы Англии и Австралии. Это обстоятельство, разумеется, усиливало интерес австралийцев к России. В прессе появляются благожелательные публикации по отношению к русским. В этой связи весьма характерна статья «Правитель России и его мечты», которая появилась в выходившей в Аделаиде газете «Эдвертайзер». Россия, писала газета, «даже отдаленно» не напоминает тот образ, который был сконструирован для нее английскими писателями и публицистами. У русских нет планов «завоевать весь мир и поставить Россию над остальными народами». Да, конечно, русский царь «сохраняет самодержавие и запрещает даже критику его», что чуждо и непонятно англосаксам, однако делается все это во имя сохранения «прекрасной простоты русской жизни». У России собственный путь – путь «патриархальной общности, спокойного достоинства, духовной красоты». Николай II – мужественный человек и идеалист, который верит в Святую Русь, а его «удивительное единение» с любящим его народом, нерушимое и в дни славы, и в дни испытаний, дает надежду на будущее, которое «воистину должно быть великолепным»²¹. Даже в январе 1917 г. в Австралии с

удовлетворением отмечали, что большинство русских с «твердой решимостью» выступают за продолжение войны до ее победоносного завершения²².

Австралийцы с симпатией, если не сказать с восторгом приняли известие о Февральской революции 1917 г., которая рассматривалась, как прорыв русского народа к долгожданной свободе. «Все и каждый выглядят счастливыми – Россия почувствовала себя свободной», – писала домой жительница Брисбена, оказавшаяся летом 1917 г. в Москве²³. Горячо приветствовали Февральскую революцию Австралийские лейбористы²⁴. В помещениях профсоюзов стало модным вывешивать красные флаги. В июле 1917 г. с подачи российского генерального консула в Австралии А. Н. Абазы правительство Австралии отправило приветственную телеграмму А. Ф. Керенскому с выражением высокой оценки наступления, предпринятого Россией на германском фронте²⁵.

Ситуация резко изменилась после Октября 1917 г. в России. К приходу большевиков к власти большая часть австралийского общественного мнения отнеслась крайне негативно. Жителей антиподов возмутил и факт насильственного захвата власти, и установившаяся жестокая диктатура, и дичайшее по европейским понятиям стремление уничтожить частную собственность. Еще большим бесстыдством в глазах австралийцев стал выход России из войны и заключение мира с немцами. Вот некоторые выдержки из австралийских газет: «Русский народ доказал, что он совершенно безнадежен и совершенно не подходит для свободы в том смысле, в каком это понятие отвечает мировоззрению западных демократических наций»²⁶. «Для нас в Австралии большевики представляются... кровавыми головорезами, разворачивающими кампанию убийств и насилий. Мы приучили себя думать о них, как о жестоких верзилах, заросших и неопрятных, вроде ... людоедов, каждый день ищущих свою жертву»²⁷.

Масла в огонь вновь разгоравшейся ненависти к России и русским подлили русские эмигранты-радикалы. Союз русских рабочих трансформировался в Союз российских рабочих-коммунистов, открыто поставивший своей целью агитацию за социалистическую революцию в Австралии. Союз начал издавать газету на английском языке «Knowledge and Unity», где печатались откровенные агитки и в резкой, подчас оскорбительной форме высказывались упреки относительно нерешительности австралийских рабочих, которые думают только о «хлебе с маслом» и медлят с социалистической революцией. Разумеется, такого рода статьи вызывали не менее жесткую реакцию официальных властей и лояльной

прессе. Особенно возмущались подстрекательской деятельностью русских революционеров австралийские ветераны Первой мировой войны. С их руки слово «больши» (большевик) стало грязным ругательством. Ветераны объединяются в лоялистские организации и создают в Брисбене Армию для сражения против большевизма численностью до 2 тысяч человек²⁸. Начинаются столкновения австралийских патриотов с русскими радикалами. Взрыв произошел 23 марта 1919 г., когда ветераны напали на многотысячную демонстрацию русских и австралийских социалистов в Брисбене, шедшую под красными флагами. Дело дошло до стрельбы. Назавтра 24 марта толпы лоялистов бросились в районы, населенные русскими, с криками «Вон из Квинсленда всех грязных русских ублюдков!», «На виселицу их!», «Подожжем их дома!»²⁹. Ветераны ворвались в здание Русской ассоциации в Брисбене, людей там не застали, но устроили настоящий погром. Полиция, впрочем, довольно быстро пресекла шабаш разбушевавшихся патриотов.

Эти события вошли в историю Австралии как «Бунты красного флага». Они не только показали, что социалистическая идеология, по крайней мере, в ее большевистском варианте, отвергается подавляющим большинством народа Австралии. «Бунты красного флага» также надолго определили негативное отношение основной массы населения к России и русским.

Волны неприязни и симпатий к России и русским чередовались и в последующие десятилетия XX в. Разумеется, свою роль играла политическая конъюнктура. Сочувствие и интерес к русским возрождаются в годы Второй мировой войны, когда СССР и Австралия совместно воевали в составе антигитлеровской коалиции. Страх и подозрительность характеризовали восприятие всего, исходящего от СССР, в период «Холодной войны». Всплеск интереса к далекой и непонятной австралийцам северной стране вновь может быть отмечен в годы Перестройки. В начале XXI в. этот интерес сменяется новой волной подозрений, на этот раз в неспособности России стать свободным демократическим государством. Двойственное, с преобладанием настороженности отношение ко всему русскому стало в Австралии, по сути дела, одним из устоявшихся этнических стереотипов. Такие стереотипы необычайно прочны. Поэтому ожидать радикального изменения отношения австралийцев к России и русским, видимо, не приходится.

¹Sydney Morning Herald, 13.04.1854.

²Sydney Morning Herald, 1.05.1854.

³Sydney Morning Herald, 23.05.1854. Резолюции такого рода митингов см. также: Crowley F. A Documentary History of Australia. Vol. 2 Colonial Australia 1841-1874. Melbourne, 1980. P. 274, 276.

⁴Argus. 15.04.1871.

⁵Fenwick C. Extracts from my Diary. Being and Account of the Preparations for and Successful Accomplishment of an Attack on Sydney Harbour by a Russian Naval Captain Serving with the Fleet. With Notes and Suggestions and Preface by a Colonist. Sydney, 1883. Preface. P. 4.

⁶Sydney Morning Herald, 21.01.1888; Fenwick C. Op. cit. P. 28.

⁷Mahood M. The Loaded Line. Australian Political Caricature 1788-1901. Melbourne, 1973. P. 105, 106, 162, 192-193, 197, 246.

⁸Walker W. H. The Invasion. Sydney, 1877; Fenwick C. Op. cit.; Luckie D. M. The Raid of the Russian Cruiser «Kaskowski». An Old Story of Auckland. With an Introduction and Appendix on Colonial Defence. Wellington, 1894. О других сочинениях из этого ряда см.: McLacklan N. Waiting for the Revolution. A History of Australian Nationalism. Ringwood (Vic.), 1989. P. 123-124.

⁹Mackay K. The Yellow Wave. L., 1895.

¹⁰См.: Каневская Г. И. «Мы еще мечтаем о России...» История русской диаспоры в Австралии. Владивосток, 2010. С. 20.

¹¹См.: Kravchenko M. Russians in Queensland // Multicultural Queensland. The People and Communities of Queensland. A Bicentennial Publication. Brisbane, 1988. P. 187.

¹²См.: Каневская Г. И. «Я бездомный, но зато на воле...». Владивосток, 2005. С. 47.

¹³Fried E. Russians in Queensland. Bachelor of Arts Thesis. Brisbane, 1980. (Manuscript). – University of Queensland Library (Brisbane). P. 27.

¹⁴Australia and the World. A Documentary History from the 1870s to the 1970. Ed. by N. Meaney. Melbourne, 1985. P. 138.

¹⁵См.: Ward R. A Nation for a Continent. The History of Australia 1901-1975. Richmond, 1977. P. 60. «Общераспространенное мнение и чувства вне официальных кругов ..., – пишет о реакции австралийцев на начало русско-японской войны Р. Уард, – были глубоко антияпонскими». См.: Ward R. Op. cit. P. 59.

¹⁶Петриковская А. С. Культура Австралии XIX – XX вв. М., 2007. С. 199.

¹⁷Melba N. Melodies and Memories. L., 1980. P. 71.

¹⁸Ibid. P. 72.

¹⁹Пикунов В. И. Союз русских рабочих в Австралии // Вопросы истории КПСС. 1960. № 1. С. 168.

²⁰Radical Brisbane: an Unruly History. Ed. by R. Evans and C. Ferrier. Carlton North, 2005. P. 168.

²¹Advertiser. 26.06.1915.

²²Argus. 31 January 1917.

²³Queenslander. 18.08.1917.

²⁴См.: *O'Farrell*. The Russian Revolution and the Labour Movements of Australia and New Zealand // *International Review of Social History*. 1963, Vol. 8. P. 178.

²⁵National Australian Archives: A 981, CONS 240.

²⁶West Australian. 12.11.1917.

²⁷Age. 16.07.1918.

²⁸*Evans R*. The Red Flag Riots: a Study of Intolerance. St Lucia, 1988. P. 176-178.

²⁹*Evans R*. "Agitation, Ceaseless Agitation": Russian Radicals in Australia and Red Flag Riots // *Russia and the Fifth Continent. Aspects of Russian-Australian Relations*. Ed. by J. McNair and T. Poole. Brisbane, 1992. P. 151.